

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА И ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ ЕВРАЗЭС

С июня 2009 г. три страны – члены ЕврАзЭС приняли решение форсировать интеграционные процессы между собой и перейти ко второй стадии экономической интеграции – Таможенному союзу (ТС). Россия, Казахстан и Республика Беларусь не без проблем приступили к формированию единой таможенной зоны. Сразу стоит отметить, что вход в проект ТС в большей степени был подготовлен тяжелыми последствиями экономического кризиса и политической волей руководства таможенной тройки.

С 1 июля 2010 г. Таможенный союз ЕврАзЭС приступил к работе. Буквально с первых дней функционирования единой таможенной зоны обнаружилось масса политических, экономических и технических и проблем.

Первые полгода своего существования Таможенный союз работал с так называемыми «изъятиями», что, в принципе, не является чем-то специфичным для таможенных зон. Вне регулирования остались энергоносители и легковые автомобили. Россия, учитывая, что две страны из таможенной «тройки» (Россия и Казахстан) являются экспортерами энергоносителей на мировые рынки, настояла на выведении из сферы функционирования ТС экспорта сырой нефти и нефтепродуктов до момента вступления Республики Беларусь в Единое экономическое пространство. Изъятия поставили под вопрос участие в проекте Республики Беларусь. В итоге России пришлось допустить с 1 января 2011 г. нашего западного соседа к российской нефти по внутрироссийским ценам, с обязательством оплаты экспортной пошлины на вывозимые республикой нефтепродукты. Прямая нефтяная дотация со стороны России составила 2,3 млрд долл., косвенная – более 4 млрд долл. В то же время Республика Беларусь настояла на сохранении до II полугодия 2011 г. национальных ввозных пошлин на

импортируемый легковой автотранспорт. Понятно, что цена уступок весьма ощутима.

Стоит отметить, что уступки или дотации всегда носят позитивный стратегический характер и негативный тактический. Отсрочка ввода унифицированных таможенных пошлин спровоцировала в Республике Беларусь автомобильный бум ввоза из Евросоюза легкового автотранспорта для перепродажи в Россию и Казахстан. Размах автолихорадки оказался столь масштабным, что, по мнению президента А. Лукашенко, он привел к валютному коллапсу в национальном масштабе. Там сейчас просто остановилась экономика. Естественно, заявление белорусского президента о причинах случившегося валютного кризиса весьма наивно, так как было бы странным ожидать, что отвлечение валюты на покупку подержанного автомобиля может подорвать всю национальную экономику, тем более, что сейчас белорусское население вместо автомобилей с пробегом скупает сахар, растительное масло и гречневую крупу долгого срока хранения. Но мы не ставим под сомнение заявление А. Лукашенко, считающего, что в кризисе национальной экономики виноваты потребительские пристрастия белорусского народа, но стоит обратить внимание, что вход в единую таможенную зону далеко не всегда усеян розами и иногда может оказать серьезное, к сожалению, и негативное, влияние на национальную экономику.

Стоит отметить, что проблемы формирования Единого экономического пространства, создаваемой на базе ТС, ожидаются на порядок масштабнее.

К сожалению, ввиду скоротечности событий, связанных с запуском ТС и ЕЭП, до настоящего времени не накоплен достаточный опыт по изучению проблематики новых этапов экономической интеграции на постсоветском пространстве. В данном случае было бы ошибкой считать интеграционный опыт Европейского союза универсальным для стран – участников ЕВрАзЭС, формирующих интеграционный проект в сложных посткризисных экономических условиях. Стоит заметить, что, безусловно, на формате интеграции и ее содержании сказывается и специфика жестких авторитарных режимов в Казахстане и Республике Беларусь, но в дальнейшем придется на этом факторе остановиться подробнее.

Между тем уже сейчас собралась критическая масса проблем, требующая скорейшего осмысления.

В частности, остается открытым вопрос о возможностях формирования полноценного ЕЭП при наличии огромных диспропорций в экономическом и социальном развитии государств – членов ТС. К примеру, экономика Республики Беларусь меньше российской почти в 40 раз.

К важнейшим проблемам формирования проекта ТС можно отнести его международное позиционирование. Не является тайной то, что толчком к реализации идеи ТС явилось понимание того, что российско-грузинская война 2008 г. на неопределенно далекий срок отдалила вступление России во Всемирную торговую организацию. Однако уже в 2010 г. стало очевидно, что ТС не приспособлен для организации коллективного вступления государств-партнеров по единой таможенной зоне в ВТО.

Появление ТС вызвало озабоченность Евросоюза. В рамках европейской программы «Восточное партнерство», а Республика Беларусь принимает участие в данной программе, продекларировано создание зоны единой торговли с ЕС, что может оказать негативное влияние на функционирование ТС и создание ЕЭП.

С 1 января 2010 г. Таможенным союзом ЕврАзЭС управляет наднациональный орган – Комиссия Таможенного союза. Этот факт является исключительно позитивным, так как до настоящего времени не удавалось сформировать наднациональные органы на постсоветском пространстве. Комиссии переданы полномочия трех стран в сфере таможенно-тарифной политики, в частности утверждение ставок пошлин. Для принятия решений необходимо получить две трети голосов. Россия имеет около 60% голосов, у Беларуси и Казахстана – по 20%. По причине того, что более 90% рынка Таможенного союза принадлежит России, условия голосования Российской Федерации в Комиссии непропорциональны ее вкладу в данный интеграционный проект. В 2010 г. в ТК появился список вопросов, решения по которому принимаются консенсусом. И этот список при полном попустительстве с российской стороны растет не по дням, а по часам.

Серьезной политической проблемой для формирования ТС и ЕЭП являются авторитарные политические режимы, находящиеся у власти в Казахстане и Республике Беларусь. Интеграция с авторитарными режимами крайне затруднительна, если вообще возможна. Мировой экономической кризис 2008–2009 гг., разрушивший основу белорусской и казахстанской экономических моделей, выступил в качестве катализатора интеграционных процессов, подталкивая Астану и Минск к созданию ТС, но не снял проблемы интеграции с режимами, дистанцирующимися от большей части демократических ценностей.

Жесткая позиция Минска по допуску к беспошлинной российской нефти подтверждает тезис, что в основе интеграции на постсоветском пространстве остается энергетический фактор. Спецификой ТС ЕврАзЭС остается то, что два государства из трех являются крупными поставщиками энергоносителей

на мировой рынок, а одно из государств – импортером энергоносителей и транзитером нефти и газа на европейские рынки. Естественные противоречия между партнерами в данном случае решались путем создания сложных схем дотирования импортера. Фактически лояльность Минска покупалась ресурсной поддержкой.

В рамках созданного ТС ЕВрАзЭС до настоящего времени сохраняют свою актуальность еще масса иных проблем, носящих зачастую принципиальный характер и, при невозможности их урегулировать, способных привести проект к кризису. В частности, остаются сомнения в эффективности контроля, осуществляемого на внешних границах ТС исключительно белорусскими и казахстанскими таможенниками. Фактически мы отдали свои границы соседям. Сейчас наш внутренний рынок раскрыт нараспашку. До настоящего момента сохраняется неясность с системой единой таможенной информации (базы данных).

Сохраняются проблемы с попытками внешних экспортеров использовать Беларусь и Казахстан в качестве доступа к основе ТС – российскому рынку (более 90%). В частности, правительство Республики Беларусь рассчитывает превратить свою страну в своеобразный склад и финишное производство китайских товаров, которые смогут легально и беспошлинно проникать на российский рынок. Минск рассчитывает на постройку в республике мощного сборочного производства китайских марок, которое должно составить конкуренцию предприятиям западных автомобильных фирм, размещенных в России. Китай активно использует участие Казахстана в ТС, превращая его в перевалочную базу для китайского ширпотреба. Иначе трудно понять, как может существовать таможенная оценка плазменного телевизора в Казахстане в 100 долларов, как могла за полгода вырасти казахская легкая промышленность на 300%.

1 апреля был снят транспортный контроль на российско-белорусской границе. Словно по совпадению уже 4 апреля к валу продукции, хлынувшей на российский рынок с запада ТС, предъявил претензии господин Онищенко...

Сомнений нет, поток в основном китайской продукции в ближайшие месяцы крайне негативно скажется, в первую очередь, на российском малом бизнесе в сфере мелкооптовой торговли – между прочим, составной части электронной базы правящего в России режима. Следом окончательно будут ликвидированы остатки нашей легкой промышленности, включая обувную, а также пострадает сельское хозяйство. Если сказать объективно, то мы не интегрируемся с экономиками Казахстана и Республики Беларусь, эти экономики очень малы, а рынки этих стран бедны и незначительны, т.е. нас не ждет какой-либо синергетический эффект от объединения с Астаной и Минском, а в реальности

через белорусского и казахстанского посредника мы интернируемся с Китаем и постепенно входим в экономическую сферу Пекина.

В настоящее время, не завершив полноценное формирование ТС, страны-партнеры переходят к созданию Единого экономического пространства, что представляет серьезную проблему для партнеров по ТС. Для входа в ЕЭП необходимо запустить несколько десятков соглашений, ряд из которых, в частности в области макроэкономического регулирования или в сфере унификации (согласования на высоком уровне) финансовой политики, носит революционный характер для экономических моделей Казахстана и Республики Беларусь.

Особенно тяжело переход к ЕЭП может сказаться на экономике Республики Беларусь, где государственный сектор составляет более 75%, весь крупный бизнес работает под контролем президентских структур, экономика регулируется постсоветскими административными методами. Переход на четыре свободы перемещения товаров, труда, услуг и капитала в рамках ЕЭП грозит белорусской экономике реформаторским шоком, следствием которого может оказаться смена политической власти в республике.

Ситуация осложняется тем, что только в рамках полноценного ЕЭП возможна энергетическая интеграция, к примеру, между Россией и Казахстаном. Остается открытым вопрос о готовности правящих кругов, политических классов и гражданских обществ, бизнеса и банковских кругов Казахстана и Республики Беларусь вступить в столь широкий интеграционный проект, как Единое экономическое пространство.

Российские интересы в ТС и ЕЭП

Российские власти, приступая к новой попытке развернуть под своим патронажем интеграционный процесс на постсоветском пространстве, исходили из того, что после экономического кризиса 2008–2009 гг. стремление государств постсоветского пространства к совместным интеграционным процессам будет нарастать. В первую очередь это относится к Республике Беларусь и Казахстану. Считается, что в посткризисный период у стран, входящих в таможенную «тройку», появляется уникальный шанс по признанию совместных интересов, целей и задач. Фактически, утверждается, что Россия в настоящее время сможет произвести «перезагрузку» интеграции в регионе.

Однако сформированные цели и задачи России в интеграционных проектах на постсоветском пространстве, а также выгоды от развертывания очередных этапов экономической интеграции пока не вызывают энтузиазма.

Экономические интересы России в интеграции связаны с попыткой обеспечения ее устойчивого и сбалансированного развития. В этом формате рассматривается активизация российского капитала на рынках стран-соседей. Однако наиболее интересные для российского бизнеса активы на территории Казахстана давно приватизированы внешними игроками – США, ЕС, Китаем. Приватизационный капитал Республики Беларусь крайне незначителен и в политических целях сильно переоценен, промышленные активы устарели, требуют инвестиций в модернизацию. Кроме того, сами по себе долгосрочные инвестиции в страны с авторитарными режимами не могут быть гарантированными.

Кроме того, считается, что интеграция в рамках ТС будет способствовать более широкому использованию транзитного статуса Российской Федерации (от портов Тихого океана до белорусского Бреста). Однако, в принципе, в рамках ЕврАзЭС, транзитный статус вполне используется. Решается вопрос об унификации транспортных тарифов.

ТС возродил надежды на снижение взаимной конкуренции отдельных отраслей белорусской и казахстанской экономик с российской, что также вызывает сомнения, так как в итоге при формировании ТС и ЕС Россия делает большие стратегические уступки на своем рынке. Считается, что в рамках ЕЭП у стран-участниц появится возможность для координации усилий на мировых рынках, прежде всего на рынках энергоносителей. ТС и ЕЭП должны повысить инвестиционную привлекательность экономик «Тройки». Но и здесь есть проблемы, так как трудно представить, чтобы мировой энергетический рынок почувствовал бы эффект от объединения усилий нефтяников России и Казахстана больше, чем он присутствует сейчас.

Важнейшим стимулом для России в процессе формирования ТС и ЕЭП является стремление получить доступ к ряду полезных ископаемых, находящихся на территории Казахстана. В целом, ресурсный фактор, чрезвычайно важный для модернизации российской экономики, остается одним из ведущих в СНГ, но данная проблема перекликается с возможностями инвестирования российским бизнесом в Казахстан и Беларусь.

Основным ресурсом Республики Беларусь является ее транзитный статус. Но в ходе ввода в строй обходных трубопроводов Nord Stream и БТС-2, а также развитие колесного транзита по территории Латвии, транзитный статус Республики Беларусь будет подвержен глубокой эрозии.

Заинтересованность России в привлечении трудовых ресурсов в рамках ТС и ЕЭП ограничена возможностями стран-партнеров. Избыточные трудовые ресурсы Казахстана и Республики Беларусь уже используются в российской

экономике (из Беларуси более 600 тыс.), и в ближайшие годы рост трудовой миграции в Россию из этих стран будет затруднен. Стоит напомнить, что из Казахстана трудовая миграция всегда была незначительна. В данном случае можно рассчитывать только на рост трудовой миграции из Беларуси, где экономические проблемы начинают приобретать необратимый характер и снижение жизненного уровня населения, а также заработных плат становится объективным следствием проводимой в этой стране политики.

Россия намеревается использовать и политический аспект, подталкивающий страны-партнеры к интеграции с Россией. Специфика политических режимов Казахстана и Республики Беларусь ограничивают интеграционные возможности этих стран, закрывают для них доступ к полноценным формам сотрудничества с Евросоюзом. Опыт нахождения Республики Беларусь в европейской программе «Восточное партнерство» продемонстрировал глубокие мировоззренческие расхождения между Брюсселем и Минском, что в итоге привело к фактическому блокированию участия Минска в «Восточном партнерстве».

Участие в интеграционных проектах с участием России остается для Республики Беларусь и Казахстана единственной реальной возможностью войти в мировое интеграционное пространство.

В то же время, учитывая мощь и удельный вес российской экономики в масштабах ТС и ЕЭП, не стоило бы преуменьшать или даже отрицать влияние интеграции с Россией на существующую в Казахстане и Республике Беларусь экономическую структуру. С расширением поля экономической интеграции белорусская и казахстанская экономики, безусловно, будут глубоко реформированы, их структура подвергнется коренным изменениям, заложенным в философии ЕЭП. В противном случае нереформированные секторы общей экономики ЕЭП в результате конкуренции будут ликвидированы.

Столь тяжелые процессы принесут элементы политической нестабильности, которые при формировании ЕЭП необходимо учитывать.

Вызывает сомнение и такой стимул для ускоренного формирования ТС и ЕЭП, как сохранение единого рынка стран – участников проекта для сбыта продукции обрабатывающей промышленности, прежде всего российской. Стоит отметить, что объем сбыта российской промышленной продукции в Казахстан и Республику Беларусь год от года сокращается. Более того, российская продукция все чаще проигрывает конкуренцию аналогичной продукции, попадающий на рынки не только таможенной «Тройки», но и всего постсоветского пространства из Китая. Китай активно разрушает кооперационные связи между предприятиями трех стран, замещает не только российскую продукцию

для потребителей в Казахстане и Астане, но и параллельно делает неконкурентную продукцию, к примеру, белорусских предприятий на российском рынке.

Необходимо отметить, что уже сейчас, в 2011 г. импорт в Россию из Китая в совокупности превышает весь импорт из стран СНГ. Оснований для того, чтобы экспорт промышленной продукции из стран ТС и СНГ на российские рынки значительно увеличился, нет, так как, что уже обнаружилось в ходе работы ТС, на российский рынок под видом казахстанской и белорусской все больше поступает китайской продукции.

Необходимо признать, что сохранение в структуре экспорта России и Казахстана монопольной роли энергоносителей не способствует интеграционным процессам между ними. Есть угроза, что в рамках ЕЭП будет реализована только энергетическая интеграция, как имеющая непосредственную экспортную направленность. Промышленная продукция Республики Беларусь не является конкурентоспособной на мировых рынках и почти целиком ориентирована на российский рынок, что в целом только ограничивает экспортный потенциал ТС. Страны ТС поставляют на мировые рынки исключительно сырьевые товары, что ставит как проект ТС, так и ЕЭП в весьма двусмысленное положение – проекты начинают походить на региональные варианты ОПЕК и т.д.

Серьезной проблемой для доминирования России в экономической интеграции на просторах СНГ является отсутствие широкого спектра товаров инвестиционного назначения, что заставляет партнеров по ТС, а также и других стран СНГ, ориентироваться на импорт инвестиционных товаров из стран ЕС, Китая, Японии, Южной Кореи, США.

Обозначившийся в последние годы рост экспорта российских товаров в страны СНГ и ТС во многом связан с последствиями экономического кризиса 2008–2009 гг. В настоящее время у Казахстана и Республики Беларусь имеются определенные финансовые трудности для развертывания импорта инвестиционных товаров, а также товаров высокого качества из третьих стран.

Трудно также согласиться, что сохранившаяся со времен СССР общая транспортная инфраструктура может считаться одним из ведущих факторов, способствующих интеграции стран ТС и ЕЭП. Основные транспортные коридоры в рамках ТС ориентированы на экспорт сырья и энергоносителей и только частично могут выполнять функции внутрирегиональной транспортной инфраструктуры.

Отсутствие у России развитого политико-имиджевого интеграционного проекта продолжает стимулировать ориентацию правящих элит и политических классов Казахстана и Республики Беларусь на Евросоюз. Это приводит к тому,

что руководство РБ и РК видят свое нахождение в ТС и в формирующемся ЕЭП во временном формате, своеобразной остановке, необходимой для укрепления их экономик перед этапом включения в интеграционные процессы, связанные с Евросоюзом.

К сожалению, единственной реальной возможностью для формирования интеграционных проектов под руководством России остается использование для привлечения партнеров российских ресурсов, включая финансовые и сырьевые, а также российского рынка.

Можно согласиться с экспертным мнением, что для России в интеграционных проектах наиболее интересны стратегические цели, геэкономические, реализация которых растянута во времени. В то же время партнеры по СНГ видят свой интерес в получении текущих выгод от интеграционного процесса, они не заинтересованы в постепенном и этапном продвижении к намеченным стратегическим целям, так как опасаются политического этапа интеграции, способного привести к ущемлению их суверенитета. Но данный вывод будет неполный по причине того, что он не учитывает процесс смены поколений в истеблишменте основных стран СНГ, в том числе в Казахстане и Республике Беларусь, стремления руководства этих стран найти в лице ЕС и Китая региональных противовесов российскому экономическому и политическому доминированию.

Важнейшей проблемой остается *цена интеграции*, которую способна заплатить Россия. Необходимо учитывать, что основные факторы, ведущие к дезинтеграции региона постсоветского пространства, являются объективными. Стоит отметить, что и объективные причины, приведшие к появлению Таможенного союза, носят, как правило, краткосрочный и среднесрочный характер и связаны как с посткризисным периодом, так и с политической волей президентов Казахстана и Республики Беларусь, которые находятся в своего рода международной изоляции.

Опыт финансирования интеграционных процессов в 90-е годы прошлого столетия и в первое десятилетие XXI в. трудно признать положительным. Два основных получателя российской финансово-ресурсной и рыночной поддержки – Республика Беларусь и Украина – оказались наиболее сложными партнерами для экономической, а Беларусь – и политической интеграции.

Несмотря на столь массивную, не имеющую аналогов в истории финансовую и ресурсную помощь, отношения между Республикой Беларусь и Украиной, с одной стороны, и Россией, с другой стороны, неоднократно приходили в состояние острого политического кризиса. Украина осталась вне основ-

ных интеграционных тенденций на постсоветском пространстве. Киев видит себя в зоне свободной торговли с ЕС. Надежды на вступление Украины в ТС сомнительны.

Опыт строительства Союзного государства с Республикой Беларусь в большей степени оказался негативным. Опережающий экономическую интеграцию переход к политической интеграции заблокировал проект, отсутствие единой цели у участников российско-белорусской интеграции привело к стагнации процесса строительства Союзного государства и фактической остановке проекта. В 2010 г. экономическая основа Союзного государства – Таможенная зона – была включена в ТС ЕврАзЭС.

В 2010 г. Республике Беларусь был дан второй шанс по участию в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Республика вошла в ТС, подписала пакет соглашений по участию в ЕЭП. Это уже привело к тому, что общая сумма дотаций со стороны России в 2010 г. составила около 6 млрд долл. США, а в 2011 г. достигнет 8 млрд долл. США. Учитывая слабость белорусской экономики, проблемы с ростом экспорта промышленной продукции, нереструктурированностью основных экономических структур и примитивность вне рыночных мер регулирования, можно ожидать наращивание дотаций со стороны России до критических объемов.

Долгосрочные цели интеграционных проектов, инициируемых Россией, до настоящего времени не принесли ощутимых результатов, не остановили процессы дезинтеграции постсоветского пространства. Превращение России в безусловного донора своих партнеров по интеграционным процессам постепенно перемещается в фокус внимания российского политического класса и не оставляет равнодушным российский электорат. Возможности российского руководства в расширении интеграционных процессов в преддверии предвыборного 2012 г. объективно сужаются.